

УДК 1:316
ББК 60.024

С. Минева

ГРАМОТНОСТЬ, ТЕХНОЛОГИИ И ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ ИНФОРМАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье описываются некоторые последствия развития современных технологий и глобализации общества в плане их влияния на самоопределение человека и способ его жизнедеятельности. Речь идет о понимании грамотности как технических навыков, универсализации рыночных отношений и появлении эрзац-личности в результате глобальной коммерциализации и технологизации общества и человеческой жизни. Подобные тенденции рассматриваются как результат расхождения скорости накопления информации и установления ее значимости.

Ключевые слова: грамотность, человек, технологии, глобализация, виртуальная реальность, цифровое общество, киберпространство.

S. Mineva

LITERACY, TECHNOLOGY AND PEOPLE IN A DIGITAL SOCIETY OF INFORMATION AND GLOBALIZATION

The article describes some of the consequences following the development of modern technologies and the globalization of society resulting from their influence on human identity and way of life. It's about literacy as a technical skill, the universal nature of market relations and the appearance of ersatz-individuality under the influence of global commercialization and technologization of society and life. As their main cause we look at the inconsistencies between the degree of knowledge accumulation and ascertainment of its meaning, which requires a philosophical reflection.

Key words: literacy, human, technology, globalization, virtual reality, digital society, cyberspace.

В современном динамичном мире глобальной экономики, политики и коммуникации, где причины оставаться надолго на определенном месте становятся все менее императивны, старые философские вопросы: кто мы, откуда идем и почему всё это — неожиданно обретают «новую» актуальность и значимость. По сути дела, они поднимают темы человеческой идентичности и смысла человеческой жизни, обсуждение которых сегодня невозможно без учета состояния и динамики современных технологий и их влияния на способ жизни и деятельности человека и общества. В настоящее время это влияние происходит в основном за счет более широкого внедрения и использования

© Минева С., 2020

информационных и коммуникационных технологий. С их помощью люди увеличивают и расширяют возможности и объем своего ума и памяти, тренируют и совершенствуют (облегчают и ускоряют) интеллектуальную деятельность — сложные операционализации знания, формулировку и репрезентацию идей, общение и коммуницирование «всегда и везде». Но помимо поддержки интеллектуального потенциала нарастающее приложение этих технологий во всех областях жизни приводит и к нарастающей автоматизации и механизации всего — труда, рынка, образования, науки, медицины, политики и даже искусства. Обычно цель одна и та же — сэкономить деньги, время и увеличить прибыль.

Развитие технических инноваций оказалось, с одной стороны — крупным бизнесом в мировом масштабе, который «радуется» рыночным успехам вслед за глобальным распространением новых технологий и их массовым приложением. С другой стороны, развитие технологических инноваций как источников прибыли, конкурентоспособности и эффективности привело к трансформации идеи «lifelong learning», когда человек учится всю жизнь. В повседневном дискурсе подобная трансформация предполагает утверждение в качестве основной стратегической задачи образовательной политики — непрерывное улучшение технических умений людей в использовании новых технологий для потребления и манипулирования разными видами информации — формой и содержанием данных. Так родилась концепция компьютерной и информационной грамотности как необходимой и обязательной для каждого человека. Иметь такую грамотность сегодня — значит быть «цивилизованным», принадлежать к цивилизации в хантингтонском смысле — быть альтернативой варварам, ибо «идея цивилизации была разработана французскими философами восемнадцатого века как противопоставление концепции “варварства”. Цивилизованное общество отличается от примитивного общества тем, что оно оседлое, городское и грамотное. Быть цивилизованным хорошо, а нецивилизованным — плохо». Со временем планетарная дихотомия «установила стандарты, по которым судят об обществах, и в течение девятнадцатого столетия европейцы потратили немало интеллектуальных, дипломатических и политических усилий для того, чтобы разработать критерии, по которым о неевропейских обществах можно было судить как о достаточно “цивилизованных”, чтобы принять их в качестве членов международной системы, в которой доминировала Европа» [6, с. 17].

Можно сказать, что эта «цивилизационная концепция» не чужда и настоящему дню с той лишь разницей, что теперь «оседлое» заменено на «мобильное», а грамотность понимается как фактор приспособляемости человека к различным, особенно неустойчивым условиям и обстоятельствам, т. е. фактор гибкого адаптивного поведения. То же самое понимание грамотности идет рука об руку с идеей о необходимости постоянно накапливать и обновлять всё больше и больше новых технических навыков. По этой же причине грамотность в настоящее время воспринимается и развивается главным образом в направлении приобретения и улучшения технических умений, чтобы успешно и максимально продуктивно использовать компьютерные и информационные программы, продукты и современные технические средства информации и коммуникации. С этой точки зрения, если хочешь быть настоящим современным человеком, а не дикарем, тебе нужно постоянно и непрерывно улучшать и развивать свою техническую грамотность, потому что, как говорил О. Шпенглер: «Машина трудится и вынуждает к сотрудничеству

людей» [7, с. 533]. И так как технологии развиваются непрерывно, оказалась непрерывной и необходимость подчинять свое образование, время, труд, даже идеи и цели настоящего технического прогресса усвоению технических новаций.

Таким образом, идея о грамотном и образованном человеке оказывается сведенной, в конце концов, до уровня представления, что это человек, который знает, где искать информацию и как ее сортировать, оценивать, использовать, обменивать и производить. Идея, кажется, весьма удачна и вполне основательна, когда речь идет о расширении возможностей и объема человеческого ума и памяти с помощью технических приспособлений. Но когда инструментальный дискурс сменяется на функциональный, когда акцент переносится на процесс освоения человеком технических навыков (на что расходуется больше времени и усилий) для встраивания в бесконечный технологический прогресс как безусловной цели и ценности, то речь, скорее, стоит вести о тотальной технической детерминации.

Несмотря на то, что понимать под техникой — машину или метод, в обоих случаях мы имеем дело с феноменом повседневно возрастающей зависимости человека и его жизни от его участия в виртуальной реальности единого глобального киберпространства информации и коммуникации, которое стало символом современного цифрового общества. Информационные потоки круглосуточно истекают из всего мира благодаря глобальной электронной сети — Интернет. Возможности сети в обеспечении людей информацией, коммуникацией и общением, несмотря на традиционные культурные и физические ограничения, оказались чем-то большим, чем коммуникативная и информационная технология. Усиливающаяся динамика информационных потоков и нарастание коммуникационных связей становятся характеристикой самого масштабного социального и культурного феномена современной эпохи глобализации — глобального социального континуума, в который превращается Интернет. Массовое распространение и потребление возможностей сети приводит к изменению как повседневного образа жизни людей, так и человеческого миропонимания и сообщества в результате нарастающего, постоянного присутствия и проживания людей в виртуальном мире киберпространства.

В некотором смысле виртуальная реальность киберпространства даже превосходит не виртуальную (реальную реальность). Во-первых, в ней нет места случайности: виртуальная реальность, технологически созданная, с начала и до конца неслучайна. Во-вторых, она стала уже сущностно необходима и вполне антропологизирована: в ней человек проживает больше, чем когда-либо, и где угодно, как субъект воли, направленной на формулирование и осуществление хотя и разных, но всегда человеческих желаний и намерений. Виртуальность с этой точки зрения не просто еще одна или другая реальность, но — континуум пространства и времени. Происходящее в этой реальности задает такой способ человеческой активности, который открывает новые горизонты человека в деле конструирования своей идентичности и целенаправленности в соответствии со своим желанием в той мере, в которой это находится во власти технологий.

Вместе с тем открываются и новые экзистенциальные, моральные и философские проблемы, сопровождающие «виртуальное» бытие человека. Речь идет, прежде всего, о том, что нам дает и что отнимает у нас жизнь в виртуальной реальности киберпространства и как это влияет на мышление и поведение человека. Одной из самых замечательных перемен вслед за развитием

технологий в течение всей их истории является нарастающая дистанция между человеческим миром как миром ноуменов (идей) и природным миром как миром феноменов. Этот процесс сегодня совсем не сводится, как в прошлом, только до простого инструментализма, так как основная его современная характеристика — с помощью технических инноваций выполнять больше и еще больше задач и по возможности делать всё на расстоянии, без физического присутствия. Так возникает непрерывное нарастание дистанции и изоляции человека от непосредственной связи с действительностью благодаря возможности репрезентации реальности, что позволяют ему посредники — компьютерные системы, СМИ и Интернет. В результате свобода человеческого выбора сводится всё чаще к выбору между разными вариантами репрезентации реальности с помощью технологий, которые располагаются между людьми и внешним миром, обеспечивая им пребывание в комфорте внутреннего мира собственного Я.

Таким способом модерная (по-русски — «пост-пост-модернистская») техническая парадигма заставляет нас сводить все человеческие потребности, желания и действия к методу, а самого человека мыслить как технического зверя, который нуждается в технике, чтобы выживать и жить, чтобы использовать технику в соответствии со стандартами технической грамотности и роста прибыли. Не это ли настоящий парадокс? С одной стороны, сегодня технологии направлены к обеспечению максимальной независимости человека от феноменального мира, включая и собственную природу. С другой стороны, ценой независимости оказывается непрерывное уменьшение непосредственного контакта ноуменального и феноменального миров до степени исчезновения второго для нас с помощью глобального технического смешивания границ культуры и природы, живого и неживого. Иными словами исчезает то, что стало источником и самого понятия о независимости и свободе человеческого выбора; а вместе с ним исчезает и необходимость быть независимым, быть свободным в этом смысле.

По сути дела, парадокс раскрывает несоответствие идеалов, основанных на моральных и социальных ценностях, и методов для решения проблемы с помощью научной прогностики и технологических инноваций. Это несоответствие как характерную тенденцию современного общества заметил еще Э. Фромм, которая, по его словам, выражается в стремлении представить технический прогресс как самую главную ценность общества. В результате усиливается влечение ко всему, что механическое, неживое, искусственное и, в конце концов, возникает безразличие и бегство от жизни за счет преклонения перед этим. Любящие неживое, подчеркивает Фромм, — «это люди, которые предпочитают закон и порядок живой структуре, повторение — оригинальности, технические приспособления — живым существам, бюрократические методы — спонтанности. Они хотят контролировать жизнь, потому что боятся неконтролируемой спонтанности» [5, с. 71]. Но самое главное для этой патологии души, считает автор, — это идея о компьютерном гуманоиде, который никогда не ошибается, потому что ему чужда склонность делать ошибки ради произвола человеческой воли и неявных импульсов. Можно добавить еще, что этот человеческий суррогат будет свободен от совести и чувства вины, так как они ему не нужны с точки зрения его совершенства. В некотором смысле его бессовестность напоминает ницшеанского Сверхчеловека, но не совсем, потому что немецкий философ задумал свой идеал не как бессмертный, а как бесстрашный перед лицом смерти, как отважного

воина. В противном случае это бесстрашие потеряло бы всякий смысл. Но и не воинские добродетели, их приобретения или потери самое главное во внимании современного человека; его проблемы и тревоги другие: «...По мере усложнения жизни, — пишет Фромм, — утратившей все человеческие измерения, по мере нарастания чувства собственного бессилия и изолированности ориентированный на науку человек перестал быть рациональным и независимым. Он растерял смелость думать самостоятельно и принимать решения на основе интеллектуальной и эмоциональной приверженности жизни. Ему захотелось обменять “сомнительную уверенность”, которую рациональная мысль способна выдать за “абсолютную”, на якобы “научно обоснованную уверенность”, опирающуюся на способность предсказания» [5, с. 75—76].

В результате человек сегодня, как отметил известный исследователь глобализации З. Бауман, имеет в распоряжении только два авторитета — авторитет экспертов и авторитет числа. Первый из них — это люди, которые знают всё лучше, чем другие, или их поле компетентности очень широко, чтобы неспециалисты проверяли его. Второй авторитет — авторитет числа, возможен через предположение, что, сколь числа большие, столь менее вероятно экранный счет окажется ошибочным [8, р. 63]. Обстоятельство, что эти авторитеты сегодня оказываются теми самыми, которые могли бы направлять некоторые действия людей и их поведение, подтверждает, что абстрактное и количественное мышление заменило моральный авторитет идеалов и ценностей. Вслед за подменой науки деловая деятельность и политика перешли из мира идеального — желаний, целей, стремлений — в мир возможного: царство прогноза и планирования рыночного успеха и прибыли. Но, как каждая подмена, и эта имеет свою цену. Она охватывает не только потерю смелости самостоятельно мыслить и принимать решения во имя жизни. Частью этой цены является нарастание слепой веры в эффективность метода научного, компьютерного планирования благодаря иллюзии, что принятые таким способом решения неподвластны пристрастиям человеческих эмоций и оценок. Но, по сути дела, объектом игнорирования оказалась не иррациональность оценок и эмоций, а чувство персональной ответственности за решения. Проблема, следовательно, не в том, будут ли у нас в будущем компьютеры как люди. Проблема не в том, что этот метод исключения всякого сомнения не в состоянии предотвратить неизбежные беды, а в том, что благодаря методу всё больше людей могли бы действовать как роботы. Тогда действительно нет проблемы создать роботов, подобных людям, если люди стали роботами. Чтобы сделать это, достаточно объективировать мир человеческих желаний, счастья, целей, превращая науку из опекуна истины в опекуна эффективности, а знание — в разменную монету на рынке личностной биржи труда. В результате сегодня рыночные ценности доминируют над всеми человеческими делами, а люди уже не ориентированы на разумную альтернативную идею о своем счастье.

Та же самая тенденция к универсализации рыночных отношений отражается и на семье, церкви, школе, т. е. на институциях, от которых зависит формирование характера человека как характера социального и морального существа. Влияние рыночных отношений на нерыночные области — образование, культуру и религию — привело к редукции не только грамотности, но также и образованности вообще, социальной деятельности и самой этики. В результате образованность свелась к профессиональному карьеризму,

социальная деятельность — к научному управлению бедностью, а этика — к экономике.

Впервые обратил внимание на модерную универсализацию рыночных отношений вслед за новой экономической аргументацией морали М. Вебер. В известном своем труде «Протестантская этика и дух капитализма» он описал «философию скупости» и суть ее идеала следующим образом: «Идеал ее — *кредитоспособный* добропорядочный человек, *долг* которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель. Суть дела заключается в том, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная „этика“, отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга. Речь идет не *только* о „практической мудрости“ (это было бы не ново), но о выражении некоего *этоса*, а именно в *таком* аспекте данная философия нас и интересует» [2, с. 72—73]. По сути дела, новая этика состоит в том, что мораль можно рассматривать уже как эволюционный продукт сотрудничества людей. База этого сотрудничества, однако, не забота о других как ближних, а их значение как среды для рыночного успеха. С этой точки зрения, самым главным оказывается обретение доверия Другого в его качестве потребителя, зрителя, избирателя, потому что его доверие — главная предпосылка собственной прибыли и накопления. Но приобретение и накопление доверия, кажется, весьма проблематично в случаях, когда нам приходится поддерживать рыночные отношения с теми, кто не разделяет наши этические стандарты. В мире глобализации этих случаев наблюдается всё больше и больше, и их число нарастает вместе с развитием формально-бюрократической организации современного общества. Могущество последней стало возможным благодаря дегуманизации социальных систем, установлению везде господства формальной рациональности, закату личности вслед за уменьшением ее роли в сравнении с ролью организации. Начавшись в модерной эпохе как модернизация, этот процесс деперсонализации и формализации теперь продолжается как глобализация. Ее самая отличительная черта, как считает Бауман, относится не к нашим ожиданиям, ресурсам или желаниям, а к тому, что происходит со всеми нами — это есть неконтролируемые глобальные эффекты, которые вызывают ощущение нестабильности, неопределенности и представление о новом мировом беспорядке: «В образе мирового беспорядка — читаем в книге Баумана о глобализации, — отразилось скорее внезапное осознание (облегченное, но вовсе не обязательно вызванное резким крушением блоковой политики) по сути стихийной и случайной природы вещей, которые ранее, казалось, находились под жестким контролем или хотя бы „технически поддавались контролю“» [1, с. 85].

Неопределенность происходит из-за того, что в мире глобализации связь каждого действия и его результата является не только неопределенной, но слишком часто неизвестной. Как мировое состояние глобализация обрекает существование миллионов людей на эндемическую нестабильность. Получается так, что чем больше рынков дерегулирования, которые неподвластны вычислению со стороны индивидов или политики, тем больше социум превращается в общество риска, нестабильности, неустойчивости. Такие вычисления не могли бы сделать и эксперты, которые также не в состоянии определять и нашу концепцию жизни. Эта концепция не зависит от цифр статистики и анализов специалистов по «хорошей жизни», потому что хорошая жизнь зависит от желаний людей, а не от оценок экспертов об «объективно хорошей

жизни». Экспертные оценки часто опускают, что в конечном счете, не экспертные доводы, а люди, не бестелесные, а воплощенные идеи управляют нами, и тогда нам кажется, что мир управляется Разумом. По той же причине часто получается и так, что управляют не те, которые знают больше других, а те, которые верят, что больше знают.

Тогда нам нужно установить: к какому человеческому типу принадлежат специалисты «жизненных планов»? На этот вопрос испанский философ Х. Ортега-и-Гассет отвечает, что всегда такие люди были поэтами, философами, религиозными лидерами и что нет смысла протестовать против этого порядка, так как он всегда был таким: «Вне сомнений, — писал Ортега — мир не одинаков для торговца и для поэта; и там, где один спотыкается на каждом шагу, другой чувствует себя как рыба в воде; и то, что одному глубоко омерзительно, другому доставляет высшую радость» [4, с. 189]. Причину разницы философ открывает в существовании человека не как чего-то данного, а как воображаемой возможности, придающей бытию человеческого рода непостоянство и переменчивость. Но как могли бы мы соединить в одном поэта и купца, чтобы быть одновременно успешным и счастливым? Этот вопрос всё более важен в сегодняшнем мире, где всё оказалось ареной маркетинга. На этой арене каждый должен быть убеждающим и убежденным (и убедительным) в зависимости от разных ролей, которые играет каждый в течение своей жизни: покупатель — чтобы покупать, избиратель — чтобы голосовать, зритель — чтобы смотреть, служитель — чтобы исполнять. Как каждую роль, это можно изучать, репетировать, выполнять. Конечно, убедительная игра не нова и давно известна как театр. Но сегодня она, прежде всего, игра с заменой ролей — современный глобальный сценарий требует постоянно менять местами актеров и зрителей, так что каждый из них может быть персонажем, но не и оригиналом. Так граница между персонажами оказывается вполне условной, а человеческая личность оказывается весьма синтетичной, эрзац-личностью.

Составленная из кусков разных идентичностей, синтетичная личность должна быть гибкой и непостоянной, быть имитацией без оригинала, чтобы быстро приспосабливаться к переменам глобального рынка. В конце концов, искусственная реальность, полученная в результате союза рынка и технологий, всё более заменяет место естественного мира в жизни человека и становится новой и абсолютной детерминантой человеческой жизни и существа. Такая замена ставит перед нами вопросы: что происходит с нами, когда все ряды мира и жизни сводятся в один — технический ряд, а человек будет жить, опираясь на искусственный интеллект во всём? В чем смысл человеческой жизни, если исчезнут наши границы — как природа, с которой борются, смерть, которую боятся, и любовь, ради которой умирают? Принес ли нам настоящий технический прогресс «новые ценности на новых скрижалях», как говорил Ницше? [3, с. 579]. Или сегодняшняя технологическая эксплозия является скорее знаком углубления кризиса человеческого, «феноменом повторного одичания», как называет Ортега состояние, когда «избыток тревог, эпохи повсеместного само-отчуждения погружают человека в природу, делают его звероподобным, то есть варваром» [4, с. 301].

Такие вопросы вызывают непонимание самого феномена человека и незнание, что есть человек, когда в действительности он нечто неопределенное: сегодня он одно, завтра — другое. Неизвестность усиливается виртуальной реальностью, обеспечивающей нам погружение и возможность абстрагировать

себя от непосредственного окружения. Одновременно, однако, погруженный таким образом человек абстрагируется и от собственной «внутренности», чтобы быть цифровым космополитом — первым в истории гражданином мира без мира. Он живет в глобальном континууме, который нигде и везде, никогда и всегда, т. е. пространство без места и без времени, но и без истории, без памяти в социальном, культурном и политическом смысле. В этом континууме такие слова, как «человек» и «человеческое сообщество», не более чем метафоры. Но если мы не хотим быть только метафорой, нам нужна философская телеология, которая избавит человеческую жизнь от ее технического помрачения. Такая телеология произойдет из исследования воздействия технического инструментализма и его последствий для современной цивилизации и человеческого ума, общества и его будущего. Что касается диагностики настоящего воздействия этого инструментализма, перефразируя Гераклита, можно сказать, что мы не можем два раза посетить один и тот же информационный поток не только потому, что каждый момент поток меняется и бывает разный. Это невозможно и потому, что каждый его посетитель вынужден постоянно приспосабливаться к «течению», так что ему всё трудней определить самого себя и ответить на вопрос «Что делать?» вслед за невозможностью узнать «Кто Я?», чтобы сохранить себя в царстве целей, а не в техносфере.

Что касается последствий технического инструментализма для человека и цивилизации, стоит напомнить, что общество накапливает информацию быстрее, чем люди обретают мудрость. Речь идет о той мудрости, о которой один из самых популярных изобретателей технологий нашего времени С. Джобс, сказал, что готов променять всю свою технологию за одну ночь с Сократом. По сути дела, это признание того, что технология — инструмент, который должен им и остаться, и не нужно наделять его статусом цели. Чтобы избежать этой ошибки, нам и нужна философия. В отличие от технологий, философия несет глубокий, некоммерческий смысл поиска и понимания смысла того, что нам нужно, чтобы не превращаться в товар, гибрид или кучу данных, а оставаться человеком.

Список литературы

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
2. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Н. Полилова, К. А. Свасьяна, В. А. Флёровой. М.: Мысль, 1990. 829 с.
4. Ортега-и-Гасет Х. Избранные труды: пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997. 704 с.
5. Фромм Э. Душа человека. Революция надежды: М.: АСТ, 2014. 352 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 603 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. Н. Ф. Гавелина. М.: Мысль, 1998. Т. 2. 606 с.
8. Baumann Z. Community: Seeking safety in an insecure world. London: Blackwell, 2001. 168 p.